

А.Б. Сомов

Ли Мартин Макдональд о каноне Священного Писания в иудаизме и христианстве*

Алексей Борисович Сомов – кандидат теологии, консультант переводческих проектов института перевода Библии, Российская Федерация, Москва, 119334, Андреевская набережная, д. 2, кор. Б; доцент кафедры Св. Писания Свято-Филаретовского православно-христианского института, Российская Федерация, 105062, Москва, Покровка, 29; e-mail: absomov@yandex.ru

Статья посвящена вышедшей в 2017 г. четвертой, дополненной и переработанной редакции книги американского исследователя Ли Мартина Макдональда «Формирование библейского канона». Работа Макдональда посвящена теме происхождения, развития и формирования списка священных книг, из которых составлен корпус Священного Писания в иудаизме и христианстве. Макдональд обсуждает общие вопросы, связанные с понятием богодухновенности священных текстов и с основными терминами, относящимися к данной тематике, а также историю формирования канона в иудаизме и христианстве. Автор статьи показывает, что Макдональду удалось разобрать основные этапы формирования библейского канона.

Ключевые слова: Библия, Ветхий и Новый Завет, Септуагинта, канон, богодухновенность, откровение, иудаизм, христианство

Ссылка для цитирования: Сомов А.Б. Ли Мартин Макдональд о каноне Священного Писания в иудаизме и христианстве // Философия религии: аналит. исслед. / Philosophy of Religion: Analytic Researches. 2019. Т. 3. № 1. С. 164–173.

В первый раз книга американского исследователя Ли Мартина Макдональда «Формирование библейского канона» [McDonald, 2017] была издана еще в 1988 г. [McDonald, 1988]. Новая редакция состоит из двух томов, которые выросли в два раза по сравнению с предыдущим изданием. В первом томе Макдональд обсуждает вопросы формирования канона, которые мы часто воспринимаем как давно решенные, и подробно говорит о формировании канона Ветхого

* Рец. на кн.: McDonald, L. M. The Formation of the Biblical Canon. 2 Vols. London: Bloomsbury T&T Clark, 2017. 1037 p.

Завета. Во втором томе он рассказывает о Новом Завете и различных апокрифических раннехристианских текстах, которые использовались в церквях вплоть до фиксации канона и даже чуть позже. Книга снабжена различными списками канонических книг. Так, здесь представлены иудейский, протестантский, католический и эфиопский каноны, а также варианты православного канона, принятые в греческой и русских церквях. Впрочем, автор ошибочно отождествляет порядок неканонических книг Ветхого Завета в греческой и в русской Библии (он считает, что в обеих традициях последней по списку ветхозаветной книгой указывается Книга Даниила, тогда как на самом деле в русской Библии, так же как и в церковнославянской Елизаветинской Библии, это обычно 3-я Книга Ездры).

Интерес к теме библейского канона наблюдался в научной среде уже в XVIII в., однако наиболее широко этот вопрос обсуждается в западной библеистике в последние десятилетия. Среди важных западных работ стоит вспомнить ставшую классической и переведенную в свое время на русский язык книгу Брюса Мецгера [Мецгер, 2011], работы Майкла Крюгера [Krugger, 2013], Дэвида Карра [Carr, 2005; Carr, 2001], Джеймса Сандерса (например, [McDonald, Sanders, 2001]) и Джона Бартона [Barton, 1997]. К сожалению, в российской науке можно встретить лишь немногочисленные статьи на эту тему, полноценные монографии же практически отсутствуют. Чем продиктован интерес к этой теме именно в западной библеистике? Это связано отчасти с тем, что ученые, вышедшие из протестантской среды, начинают обращаться к теме канона, интересуясь «неканоническими», как их обычно называют в православной традиции, или «второканоническими», согласно католической терминологии, книгами Ветхого Завета. В протестантизме эти книги постепенно перестали включаться в издания Библии. Далее, растет число сторонников «канонического подхода» (canonical criticism) в библейской интерпретации, предполагающего изучение библейского текста в том виде, в котором он используется в религиозных общинах, определяя их взгляды и богословие (Джеймс Барр, Джеймс Сандерс, Бревард Чайлдс). Кроме того, в современной библеистике часто ставятся под вопрос казавшиеся общепризнанными и устойчивыми утверждения относительно хронологии формирования библейского канона. Считалось, например, что Иисус передал Своим ученикам закрытый канон ветхозаветных текстов, а большая часть Нового Завета была принята как авторитетная к концу II в. н. э. Среди современных библеистов, изучающих эти вопросы, встречаются как те, кто предлагает сузить состав Библии, так и те, кто, наоборот, хочет расширить его за счет включения важных дополнительных текстов. Например, члены так называемого «Семинара по Иисусу» предлагали изъять Книгу Откровения и другие апокалиптические части Нового Завета, включая Марк 13, Мф 24 и пр., и добавить апокрифические евангелия типа *Евангелия от Фомы* или *Евангелия Марии* (р. 1:26–27).

Автор рассматриваемой нами монографии не столь радикален. Однако он задает очень важные вопросы: почему именно эти, а не другие конкретные библейские книги были выбраны в качестве авторитетных? каковы были критерии их отбора? была бы вера иудеев или христиан сейчас другой, если бы в Библию были включены некоторые тексты, которые мы сейчас считаем апокрифическими? почему процесс канонизации ветхозаветных текстов, которые

считались авторитетными уже в I – II вв. н.э. занял в Церкви четыре столетия? уделяло ли христианство внимание этим вопросам в первые три века своего существования? отражают ли древние апокрифы ранние пласты христианской веры? (р. 1:14). Будучи признанным специалистом в области исследования библейского канона, Макдональд занимается этой темой уже 35 лет и является автором многочисленных публикаций. Он соглашается с Мецгером в том, что библейский канон, теоретически, мог бы быть расширен, но принципиально это невозможно так же, как «нельзя переделать историю» [Мецгер, 2011, с. 268]. Библия остается Библией в том виде, в котором мы ее имеем сейчас. Однако это не значит, что все вопросы, связанные с ее составом, происхождением, формированием и практическим использованием в различных конфессиях, решены раз и навсегда (р. 1:27). Таким образом, Макдональд не ставит целью своих исследований физическое изменение состава Библии. Однако для него важно донести до своей аудитории, по преимуществу протестантской, что не вошедшие в канон книги (прежде всего, неканонические книги Ветхого Завета), а также некоторые очень популярные во времена Иисуса апокрифические тексты (например, *1-я Книга Еноха*) могут быть весьма полезны и важны для лучшего понимания Библии. Действительно, изначально собрания текстов, которые считались авторитетными в иудейской и раннехристианской общинах, были достаточно обширными. Затем начался процесс сужения этих сборников. По разным причинам некоторые важные для этих общин тексты со временем оказались за пределами списка священных книг. Так произошло, например, с Книгой Иисуса сына Сираха для раввинистического иудаизма или с *Пастырем Ерма*, *Дидахе* и *Евангелием Петра* для раннего христианства. Более того, некоторые книги, которые формально оставались в списке авторитетных книг, меняли свое значение в практическом смысле. Например, под влиянием проповеди апостола Павла в христианских общинах бывших язычников потеряли свое практическое значение разделы Пятикнижия об исполнении ритуалов жертвоприношения в Храме, о чистой и нечистой пище и иудейских религиозных праздниках. Иустин Мученик также говорил о том, что некоторые разделы Закона, в особенности те, что касаются обрезания, очищения и ритуалов, больше не обязательны к исполнению (Dial. 16.2; 19.2, 5–6; 20.1, 4; 21.1; 22.1, 11; 46.5; 92.3). Таким образом, для христиан Закон, в сущности, играл гораздо менее авторитетную роль, чем в иудейской общине.

Основной тезис Макдональда – канон или список книг, которые иудаизм и христианские церкви признают богодухновенными и составляющими Священное Писание, т. е. Библию, – в древности был гораздо более подвижным, чем это принято в современной практике. Макдональд подчеркивает, что развитие процесса канонизации, который привел к фиксации собраний авторитетных текстов, связано с отношением к ним как богодухновенным текстам. Именно богодухновенность делала возможным использование этих текстов в богослужении и научении. Состав таких сборников мог варьироваться в течение времени, но в результате остались в них те тексты, которые легче можно было адаптировать к обстоятельствам жизни той или иной религиозной общины. Часто получалось так, что сначала процесс отбора не был вполне осознанным, но диктовался практическими требованиями.

Что же значит в этом контексте сам термин «канон»? Греч. *κανών* означает «правило», «принцип». Для древних греков это слово могло употребляться для определения стандарта или нормы чего-либо. Каноны существовали в архитектуре и скульптуре, в музыке и поэзии, т. е. практически в любой сфере науки и искусства (р. 1:78). Так, в литературе *Илиада* и *Одиссея* Гомера служили своего рода канонами. Примечательно, как указывает Макдональд, что эти произведения были разделены на 24 части, что соответствует буквам греческого алфавита (р. 1:85, 87, 194–195). Соотнесение числа священных книг с алфавитом существовало как в иудейской, так и в раннехристианской традиции. Так, встречаются иудейские списки, состоящие из 22 книг еврейской Библии, в соответствии с 22 буквами еврейского алфавита. Некоторые псалмы состоят из 22 стихов (например, Пс 24) или 22 частей (Пс 118). Однако в иудаизме встречались и списки священных текстов из 24 книг, в соответствии с греческим алфавитом. В отношении собрания авторитетных библейских текстов термин «канон» начинает использоваться не позднее 367 г. н. э., когда он появляется в известном 39-м послании *О праздниках* св. Афанасия Великого (Ер. расч. 39), где он приводит список священных книг Ветхого и Нового Заветов. До него слово «канон» использовалось для так называемых *правил веры* (*regula fidei*), однако св. Афанасий применил его к собранию текстов. Будучи из Александрии, он знал о том, что значит канон в контексте литературы.

Как замечает Макдональд, принятие чего-либо в качестве канона не означало автоматически, что этот канон уже не мог никогда измениться. С течением времени и в связи с различными обстоятельствами такие изменения происходили. В связи с этим некоторые исследователи канона предлагают ввести следующие термины: Канон первого типа (*Canon 1*) и Канон второго типа (*Canon 2*). Несмотря на общую терминологию, ученые вкладывают в нее разное содержание. Макдональд поддерживает эту терминологию (р. 1:100–102) и предлагает следующее: Канон первого типа – нефиксированный канон, который представляет собой собрание авторитетных писаний и устных преданий. Именно такой тип канона существовал в первые века христианства. В него могли входить и *1-я Книга Еноха*, и *Пастырь Ерм*. Канон второго типа – это фиксированное или стабилизированное собрание писаний, в котором ничего уже более не может быть изменено. Следует заметить, однако, что такая терминология, конечно, является чисто научной реконструкцией и не могла использоваться во времена формирования и фиксации канона. Тем не менее это применимо и к формированию канона в иудаизме. Так, грекоговорящие иудеи Александрии под канонами могли понимать не фиксированное собрание текстов, а некую модель или стандарт. Действительно, в Септуагинте книг больше, чем в еврейской Библии. Возможно, процесс сокращения числа священных книг в Палестине начался после того, как библейские тексты были переведены на греческий, поэтому александрийские иудеи III – II вв. до н. э. использовали больше книг, чем раввинистический иудаизм в начале нашей эры.

Разделялись ли в древности термины «Писание» и «канон»? Макдональд указывает: эти термины не были тождественны, хотя и были родственны друг другу (р. 1:98). На древнем Ближнем Востоке, в том числе и в Израиле, практически любой письменный документ считался очень важным и авторитетным

уже в силу того, что только значимая вещь могла быть достойна записи. Тем не менее термин «Писание» или «Писания» в отношении священных текстов начинает использоваться лишь во II в. до н. э. в так называемом *Письме Аристия*.

Итак, «Писание» относится к богодухновенному письменному тексту, считающемуся авторитетным. Такие тексты непосредственно исходят от Бога и выражают Его волю. «Канон», хотя изначально относился к определенному образцу или правилу, в отношении текста означал фиксированный стандарт или собрание текстов, которые признаны Писанием, выражающим веру и идентичность религиозной общины. В этом смысле все Писание авторитетно и относится к Канону первого типа, а канон как фиксированное или избранное собрание писаний, авторитетных для этой общины, относится к Канону второго типа. Эти два типа канона не противостоят друг другу, поскольку оба являются авторитетными. Другими словами, канон предполагает наличие Писания, но Писание еще не предполагает канон, т. е. может быть Писание без канона, но не может быть канона без Писания. Каноничность относится к списку книг, а не к их статусу. Такой подход позволяет избегать терминов «временная канонизация» или «деканонизация» (р. 1:102).

Тогда на первых стадиях формирования термин «канон» выглядит как анахронизм. Судя по дошедшим до нас документам, его, собственно, и не существовало. Можно говорить лишь о «процессе канонизации». Так, во II в. н. э. некоторые христианские тексты могли называться Писанием, но это еще не было формированием канона, поскольку еще не существовало фиксированного сборника канонических текстов. И в иудаизме периода Второго Храма были авторитетные тексты, но еще не было Библии. Однако такое положение дел не уменьшает авторитета этих текстов.

Термин «Священное Писание» возникает в иудейской среде еще до I в. н. э. по отношению к текстам еврейской Библии и затем достаточно быстро воспринимается христианами, которые верили, что Писания выражают волю Божью и Дух Святой говорит через них (Мф 22:43; Мк 12:36; Деян 1:16; Евр 3:7; 9:8; 10:15). Поэтому Писания также считали пророческими. Они исполнились в Иисусе (Лк 24:27); в них содержится и благая весть о Нем (р. 1:63).

Примечательно также, что в иудаизме не употребляли слово «канон», но использовали другую терминологию относительно каноничности Писания. Так, в ранней раввинистической литературе встречается определение, восходящее к рабби Йоханану бен Заккаю: «все святые писания оскверняют руки» (Мишна, трактат *Ядаим* 3.5) (р. 1:41–44). Если человек, который не был предварительно освящен и уполномочен (как, например, священник в Храме), берет в руки Писание, то становится ритуально нечистым. Священные книги оскверняют руки, а несвященные не оскверняют. Иными словами, Писание – это святыня, поэтому человек, прикасающийся к нему, нуждается в ритуальном очищении, поскольку входит в область сакрального. Джон Бартон высказал предположение еще об одном «скрытом» критерии каноничности, которым могли пользоваться раввины [Barton, 1997, р. 116]. Они могли считать, что священным текст делает наличие в нем Тетраграмматона, священного Имени Божьего. Известно, что произнесение этого Имени, кроме того случая, когда первосвященник делал это в день Очищения, считалось его осквернением.

Возможно, схожая регламентация распространялась и на священные книги: если человек ритуально нечистый брал в руки священный текст, он становился нечистым, как это было бы при произнесении святого Имени, поскольку это Имя присутствует в данном тексте. Таким образом, в иудаизме священными могли считать те книги, в которых содержится святость, т. е. Имя Божье. Возможно, что когда в I в. н. э. в иудаизме ставилась под вопрос каноничность книг Эсфири, Песни Песней и Экклезиаста, это происходило именно потому, что они не содержат священного Имени Божьего. Однако поскольку эти тексты считались авторитетными, вопрос состоял в том, относиться ли к ним так же, как к книгам, которые содержат Имя Божье, или нет.

Интересно также, что термины «Ветхий Завет» и «Новый Завет» не были изначально связаны с библейским канонем и стали использоваться в этом контексте позже, примерно с конца II в. н. э. (ср. Ириной Лионский, *Adv. haer.* 4.28.1–2; Евсевий Кесарийский, *Hist. eccl.* 4.26.14; Климент Александрийский, *Strom.* 15.5.85; *Тертуллиан*, *Prax.* 15), но повсеместно только в IV в. н. э. (ср. 59-й канон Лаодикийского собора 360 г.) (р. 1:31–33)¹.

Макдональд полемизирует с устоявшимся мнением, что процесс формирования еврейской Библии как Св. Писания происходил в три этапа: (1) Пятикнижие было канонизировано в VI – V вв. до н. э. во времена Ездры и Неемии после возвращения иудеев из Вавилонского плена; (2) пророческие книги вошли в канон в начале II в. до н. э.; (3) Писания во времена Маккавеев (164–160 гг. до н. э.) или на «соборе» в Явне около 90 г. н. э. Такие утверждения больше не поддерживаются многими исследователями библейского канона. По мнению Макдональда, формирование канона начинается еще до того, как Книга Второзакония была найдена в тайнике Иерусалимского Храма в 621 г. до н. э. во времена иудейского царя Иосии (р. 1:23). Этот текст действительно получил авторитетный статус, и, возможно, именно он читался в Храме пред всем народом. Затем усилиями ревнителей книга священных текстов была поставлена в центр веры Израиля. Однако авторитет Пятикнижия и пророческих книг складывается ранее этого времени. Более того, в ранние сборники авторитетных писаний входили и некоторые книги, которые сейчас входят в раздел Писаний (например, Книга Иова, Псалтырь, Притчи, Книга Даниила, Книги Паралипоменон) (р. 1:29). Процесс же написания и редакции других текстов, вошедших затем в Пятикнижие, продолжался вплоть до времени реформ Ездры и Неемии (V в. до н. э.).

Важным этапом в жизни иудейской общины стал перевод Ветхого Завета на греческий язык (Септуагинта), выполненный для иудеев диаспоры в Александрии (III – II в. до н. э.). Макдональд подчеркивает, что распространенное мнение о так называемых Александрийском и Ямнийском «канонах» Ветхого Завета можно считать мифом. У нас просто нет данных о существовании в Александрии какого-то фиксированного канона в период II в. до н. э. – II в. н. э. Похоже, что состав Септуагинты вообще никогда формально не фиксировался. Более того, видимо, палестинский иудаизм во многом находился под

¹ Возможно, возникновение этих терминов связано с осмыслением слов Павла о том, что для иудеев «то же самое покрывало доньше остается неснятым при чтении Ветхого Завета» (2 Кор 3:14).

влиянием достаточно консервативных фарисейских учителей из Вавилонии, считавших, что пророчество иссякло в Израиле после Ездры. Возможно, именно они и инициировали процесс стабилизации канона в иудаизме. Однако в диаспоре допускали возможность написания священных текстов и после времени Ездры. Схожим образом, в некоторых иудейских группах периода Второго Храма в качестве авторитетных могли приниматься некоторые тексты (прежде всего, *1-я Книга Еноха*, *Книга Юбилеев*), которые формально никогда не входили в Библию, но воспринимались как новое откровение. Так могло происходить и с некоторыми ессеями текстами в кумранской общине. Саддукеи и самаритяне, наоборот, сужали сборник авторитетных текстов до Пятикнижия, причем для последних оно существует только в их собственной редакции.

В чем заключается «миф» о Ямнийском каноне? Еще со времен Баруха Спинозы [Aune, 1991, p. 491–493; McDonald, 2017, p. 1:375–376] считалось, что состав Библии в иудаизме был определен в конце периода Второго Храма и был официально утвержден фарисейским «собором» в Явне около 90 г. н. э. Это основывалось на различных раввинистических текстах, прежде всего на *Ядаим* 3.5 из Мишны. Однако, как сказано чуть выше, в это время в иудаизме не существовало единого мнения о том, что входит в Библию. На самом деле, синедрион, собравшийся в Явне, был посвящен вопросам выживания иудейской общины после разрушения Второго Храма. Фарисейское движение, которое имело достаточно консервативное представление о составе Библии, начало доминировать в иудаизме того времени и составило ядро зарождавшегося раввинистического иудаизма. Иудейские учителя считали, что пророческий дух в Израиле угас после времени Ездры, поэтому священные тексты должны определяться от этого периода и ранее, поскольку именно они отражают историю народа Израиля от сотворения мира до возвращения из Плена. Раввины считали священными книги Торы, а также книги раздела Пророки, хотя их статус был ниже. Отношение к книгам раздела Писания было разным, и иудейские дискуссии этого времени посвящены статусу некоторых из них (*Эсфирь*, *Экклезиаст* и *Песнь Песней*), а не всего корпуса еврейской Библии. Кроме этого, в Явне могли обсуждаться и различные апокалиптические тексты, популярные в мессианских движениях, к которым иудеи относили и христианство. Влияние таких текстов на иудаизм старались ограничить. Ясное указание на библейский канон из 24 книг в трех разделах (Тора, Пророки, Писания) мы находим в *барайте* к трактату Вавилонского талмуда *Бава Батра* 14b–15a лишь в конце II в. н. э. Однако споры относительно некоторых разделов Библии, прежде всего в разделе Писаний, продолжались вплоть до VI в. н. э.

Итак, по своей природе, согласно Макдональду, канон адаптивен, т. е. приспособливаем к меняющимся обстоятельствам жизни той или иной религиозной общины, поэтому существование имеющегося библейского канона, принятого Церковью и Синагогой, говорит о его практической значимости для этих общин. И в иудейский, и в христианский канон входят тексты, сохраняющие духовный авторитет и практическую значимость. Так, книги Закона стоят в центре религиозной практики иудаизма, хотя они и нуждались в соответствующем толковании и адаптации в процессе исторических изменений, которые

претерпевала иудейская община. Иудеи диаспоры также определяли свою идентичность в терминах Закона и других авторитетных библейских текстов, что позволило им выжить и сохраниться среди других народов, культур и религий. Закон, это основа библейского откровения для иудеев. Центральной является для них история Исхода и дарования Закона. Для христиан Закон продолжает иметь значение, хотя, как было сказано выше, уже со времен Павла его обрядовая часть считалась необязательной к исполнению. В дальнейшем эти разделы Пятикнижия, оставаясь каноническими, часто толковались аллегорически, сохраняя при этом свою практическую значимость. В центре жизни христианской общины стоит история об Иисусе Христе, Его жизни и проповеди, существовавшая первоначально лишь как устное предание. Оно и послужило первоисточником для последующего создания Евангелий. Устные предания пользовались большой популярностью среди христиан и вплоть до начала II в. н. э. предпочитались письменным свидетельствам об Иисусе, поскольку считалось, что они передают Божье откровение об Иисусе через живое слово (р. 2:7–8). Однако позже письменные источники об Иисусе начинают играть все более авторитетную роль, поскольку возникает насущная нужда в письменной фиксации устной традиции, особенно когда не осталось живых свидетелей, видевших Иисуса своими глазами, а некоторые устные рассказы стали теряться. Нужно было создавать тексты об Иисусе, которые бы являлись продолжением библейской истории спасения, в которой Он занимает исключительное место. Кроме этого, возникали различные апологетические и практические причины для создания собственно христианской литературы, авторитет которой начинает быстро расти. К 200 г. н. э. во многих христианских общинах появляются первые сборники текстов, ядро которых составляли Евангелия и послания апостола Павла (состав которых мог варьироваться в разных сборниках), хотя их авторство в этот момент еще не очень важно. Письменные Евангелия начинают использоваться для богослужения, проповеди и научения. Св. Ириней Лионский впервые называет такие сборники «писаниями» (*Adv. haer.* 1.9.4; 2.26.1–2; 3.1.1). Наравне с четырьмя Евангелиями и посланиями Павла использовались и другие раннехристианские тексты, такие как *Евангелие Египтян*, *Евангелие Евреев*, *Послание Варнавы*, *Дидахе*, *Пастырь Ерма*. В это время возрастает вопрос апостольского происхождения того или иного текста, поскольку апостолы – это проводники традиции, идущей непосредственно от Иисуса. Здесь свою роль играло и противостояние Церкви различным ересям, таким как гностические группы или монتانиты, которые также создавали авторитетные тексты. Другим важным критерием авторитетного для Церкви текста считалось его соответствие *regula fidei*.

До конца II в. ядро Нового Завета (Евангелия, Книга Деяний, большая часть посланий Павла, 1 Петр, 1 Ин) было уже определено, однако относительно остальных книг шли споры. Процесс определения состава Нового Завета продолжался вплоть до IV в., когда Евсевий Кесарийский сделал первый список новозаветных текстов. Однако этот список отражает не только согласие большинства христианских общин относительно ядра Нового Завета, но и некоторые сомнения относительно других текстов. Работа Евсевия послужила основой для дальнейшего общецерковного диалога и была существенным

этапом для формирования Канона второго типа, по терминологии Макдональда. Действительно, в царствование римского императора Константина Великого (306–337 гг. н. э.), после признания и легализации Церкви, появилась нужда и в некоторой унификации церковного учения и догматики. Такая унификация нужна была и для списка авторитетных библейских книг. В 367 г. св. Афанасий Великий (Ер. расч. 39) признает каноничность 27 книг Нового Завета. 3-й Карфагенский Собор (397 г. н. э.) подтвердил ее.

Итак, в христианстве процесс стабилизации и фиксации новозаветных текстов начинается во II в. н. э. и продолжается до IV и даже V вв. н. э. Примерно в это же время стабилизируется, а затем и фиксируется состав христианского Ветхого Завета. Эти книги используются в христианских церквях и по сей день. Впрочем, в некоторых общинах использование других текстов продолжалось еще некоторое время.

Рецензируемый в этой статье труд – одно из самых объемных и полных исследований, связанных с канонам Св. Писания (общий объем 1029 страниц). Макдональд проделал колоссальную работу, предоставив читателю не только обзор достижений исследователей канона, с которыми в этой книге автор постоянно ведет диалог, но и его важные собственные идеи. Кроме этого, «Формирование библейского канона» – это еще и важный справочный ресурс по истории иудаизма Второго Храма и раннего христианства и их основных представителей, а также кропотливо собранные канонические списки древних авторов и церковных традиций. Несмотря на некоторые повторы, немного затрудняющие чтение, и мелкие неточности, автор статьи считает, что это очень взвешенная научная работа, в которой избегаются крайности радикализма или консерватизма. Весьма желателен был бы перевод этого труда на русский язык, что обеспечило бы более широкий доступ русскоязычной аудитории к основным вопросам канона Св. Писания и вызовам, которые предлагаются некоторыми библеистами, а также ко всей обширной справочной базе, которая представлена в этой книге.

Список литературы

- Мецгер, 2011 – *Мецгер Б.М.* Канон Нового Завета / Пер. с англ. Д. Гзгзяна, 2-е изд., М.: ББИ, 2011. 331 с.
- Aune, 1991 – *Aune D.E.* On the Origins of the “Council of Javneh” Myth // *Journal of Biblical Literature*. 1991. № 110. P. 491–493.
- Barton, 1997 – *Barton J.* Holy Writings, Sacred Texts: The Canon in Early Christianity. Louisville, KY: Westminster John Knox, 1997. 224 p.
- Carr, 2005 – *Carr D.M.* Writing on the Tablet of the Heart. Oxford: Oxford University Press, 2005. 344 p.
- Carr, 2011 – *Carr D.M.* The Formation of the Hebrew Bible: A New Reconstruction. New York: Oxford University Press, 2001. 544 p.
- Kruger, 2013 – *Kruger M.J.* The Question of Canon: Challenging the Status Quo in the New Testament Debate. Downers Grove, IL: IVP Academic, 2013. 256 p.
- McDonald, 2017 – *McDonald L.M.* The Formation of the Biblical Canon. London: Bloomsbury T&T Clark, 2017. 1029 p.

McDonald, 1988 – *McDonald L.M.* The Formation of the Christian Biblical Canon. Louisville, KY: Abingdon, 1988. 205 p.

McDonald, Sanders, 2001 – *McDonald L.M., Sanders J.A., eds.*, The Canon Debate, Ada, MI: Baker Academic, 2001. 662 p.

Lee Martin McDonald on the Canon of Holy Scripture in Judaism and Christianity

Alexey B. Somov

Institute of Bible Translation, 2 Andreyevskaya Nab., building B, Moscow, Russian Federation, 119334; St. Philaret Orthodox Christian Institute, 29 Pokrovka street, Moscow, Russian Federation, 105062; e-mail: absomov@yandex.ru

The paper deals with the fourth updated and revised edition of the book of the American researcher Lee Martin McDonald “The Formation of the Biblical Canon,” which was published in 2017. McDonald’s work deals with the origin, development, and formation of the list of the sacred books, which constitute the corpus of the Holy Scriptures in Judaism and Christianity. McDonald discusses general questions of the concept of inspiration of the sacred texts and the basic terms related to this subject as well as the history of formation of the canon in Judaism and Christianity. The author of the paper has investigated in details the main stages of the formation of the biblical canon.

Keywords: Bible, Old Testament, New Testament, Septuagint, canon, inspiration, revelation, Judaism, Christianity

Citation: Somov, A. B. “Lee Martin McDonald on the Canon of Holy Scripture in Judaism and Christianity”, *Philosophy of Religion: Analytic Researches*, 2019, Vol. 3, No. 1, pp. 164–173.

References

Aune, D.E. On the Origins of the “Council of Javneh” Myth. *Journal of Biblical Literature*, 1991, no. 110, pp. 491–493.

Barton, J. *Holy Writings, Sacred Texts: The Canon in Early Christianity*. Louisville, KY: Westminster John Knox, 1997. 224 p.

Carr, D.M. *The Formation of the Hebrew Bible: A New Reconstruction*. New York: Oxford University Press, 2011. 544 p.

Carr, D.M. *Writing on the Tablet of the Heart*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 344 p.

Kruger, M.J. *The Question of Canon: Challenging the Status Quo in the New Testament Debate*. Downers Grove, IL: IVP Academic, 2013. 256 p.

McDonald, L.M. *The Formation of the Biblical Canon*. London: Bloomsbury T&T Clark, 2017. 1029 p.

McDonald, L.M. *The Formation of the Christian Biblical Canon*. Louisville, KY: Abingdon, 1988. 205 p.

McDonald, L.M., Sanders J. A., eds. *The Canon Debate*, Ada, MI: Baker Academic, 2001. 662 p.

Metsger, B.M. *Kanon Novogo Zaveta* [Canon of the New Testament]. Transl. by D. Gzgyzyna. Moscow: BBI, 2011. 331 p. (In Russian)